

Анджей Стройновски
(Додзь)

ПОСЛЫ РОССИИ В ПОЛЬШЕ
В ПОЛЬСКОЙ ОЦЕНКЕ СТАНИСЛАВОВСКОЙ ЭПОХИ

Чтобы представить времена царствования Станислава Августа Понятовского, последнего короля Речи Посполитой, необходимо проследить деятельность русских послов, которые сыграли столь существенную роль в политической жизни нашей страны. В течение почти всего этого времени решали они не только направления польской внешней политики, но и соотношение политических сил в стране. Именно русские послы действительно глушили реформаторскую инициативу того времени (за исключением четырёх лет Великого сейма), а также устанавливали новые принципы правления и государственную систему во время сеймов, заседавших в годы раздела (1773–1775 и 1793)¹. Заявляя о необходимости разработки этого вопроса, следует обратить внимание не только на его значение но и на уровень исследований, которые не были до сих пор ведены в этом кругу. Исследователи, как правило, ограничивались высказыванием своих мнений или же суждений тогдашних политиков. Однако, полное и объективное указание этих проблем не было до сих пор возможно без ознакомления с инструкциями, которые петербургский двор давал своим представителям, а также со всей дипломатической перепиской. Эти источники являются же недоступными для исследователей, по меньшей мере со времён Владыслава Смоленского и Роберта Х. Лорда. Теперь для польских исследователей недоступны даже воспоминания последнего польского монарха, конечно за исключением фрагментов, напечатанных

---

¹ Примером деструктивной политики этих послов может служить роль О. М. Стакельберга в опровержении проекта кодекса Анджея Замойского, ср.: A. Stroynowski, *Przyczyny odrzucenia kodeksu Andrzeja Zamoyskiego*, „Czasopismo Prawno-Historyczne”, t. 36, z. 1, s. 187–198.

ещё в начале нашего столетия. В данном случае проблема доступа к этим, находившимся в СССР, источникам, является решающей, так как без ознакомления с тамошними архивными материалами от столь далёких времён невозможны решительные достижения в исследованиях. Невозможен, между прочим, ответ на вопросы, касающиеся шансов на избежание раздела. Эти вопросы причиняют хлопоты историкам, влияют на направления и результаты их исследований. Лишь на базе новых источников могут открыться новые исследовательские возможности – это особенно касается истории Речи Посполитой.

В такой ситуации, моё выступление не является попыткой полностью обсудить роль русских послов, действовавших в Польше в станиславскую эпоху, или даже полным представлением мнений поляков о роли царских послов, так как не имеются объективные возможности проверить истинность этих самых разных оценок. Настоящая цель моего доклада заключается в том, чтобы сигнализировать о проблеме, существующих потребностях и возможностях. Поэтому я собираюсь (к чему склоняет меня также довольно короткое время, предназначенное для выступления) обсудить вопрос, пользуясь лишь некоторыми категориями источников. По очевидным причинам, ни официальная станиславская печать, ни публицистика длительного времени маразма не доставляют интересных материалов. Из тех официальных источников, которые в какой-то степени могут отразить настоящее общественное мнение, интересным является лишь чтение сеймовых хроник, только время от времени, однако, передающих мнения и дающих, как правило, представление о деятельности послов, направляющих ноты или произносящих речи. Чтение тогдашней переписки, может быть, интереснее, но на нынешнем этапе исследований трудно её использовать, хотя бы по поводу её разрозненности. Кроме того, она полна громких слов, давления текущих обстоятельств и личных интересов. В такой ситуации, наиболее доступным для ознакомления со мнениями поляков на тему роли царских послов и обладающим достоинством известного расстояния по отношению к давлению текущих обстоятельств источником являются дневники. Они стали основой моего выступления, так как дают наиболее широкое и лишенное эмоций представление о польском общественном мнении станиславской эпохи.

Царские послы, действовавшие тогда в Варшаве, в разной степени обозначились в памяти поляков. Число этих деятелей настолько значительно, что следует вспомнить основные, касающиеся их, информации. Первым из них был Герман Карл Фон Кейзерлинг (1697–1764), немецкий профессиональный дипломат на царской службе, который действовал в Варшаве уже в годы 1733–1736, а затем в годы

1763–1764, когда внёс крупный вклад в успех кандидатуры Станислава Августа Понятовского. Его преемником стал бывший его сотрудник – князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801), который сделал карьеру благодаря женитьбе на племяннице министра Никиты Панина – Наталии Куракиновне. Именно он довёл до создания очередных, пагубных для интересов Польши, конфедераций в Слуцке, Торуни и Радоме, а его беспощадность поспособствовала также в некоторой степени антицарским выступлениям барских конфедератов. Он действовал со дня смерти Кейзерлинга в Варшаве 30.09.1764 г. впредь до отстранения от должности в июне 1769 г.

Его преемником стал Михаил Никитич Волконский (1713–1786), который занимал свою должность по апрель 1771. Раньше, он был также командующим войсками, временно располагавшимися в Польше в годы 1763–1764. После того, как его отстранили от должности в 1771 г. в связи с неудачами в политике, новым послом стал немецкий дипломат Каспер фон Сальдерн (1711–1783), который занимал эту должность до августа 1772. Его заменил дипломат инфлянтского происхождения Отто Магнус Стакельберг (1736–1800), который исполнял свои обязанности по 1790 г., а затем стал работником дипломатического представительства в Стокгольме. 7.09.1790 г. заменил его Яков Иванович Булгаков (1743–1809), который окончил исполнение своих обязанностей лишь после победы русских войск в Тарговицкой конфедерации в 1792 г. После него, с 5.12.1792 г. по 2.12.1793 г. эту должность занимал Яков Ефимович Сиверс (1731–1808). Он провёл постановления второго сейма времени раздела, называемого также гродненским. Последним, наконец, царским послом был Осип (Иосиф) Андреевич Игельштрем (1737–1817). Это инфляндец, который в 1767 г. получил подтверждение польского шляхетства, участвовал в борьбе против барских конфедератов, а с декабря 1792 командовал русскими войсками в оккупированной Польше. Он занимал свою должность до начала восстания под руководством Костюшко, которое окончилось третьим разделом Речи Посполитой.

Целью моего высказывания не является полный социологический анализ этой, состоявшей из восьми человек, группы царских представителей, которые отличались друг от друга не только имуществом, профессиональной и политической карьерой, или происхождением. Самое важное – заметить, какую роль исполнял каждый из них в Польше. Следует положительно оценить результаты деятельности Кейзерлинга, который разрешил Фамилии Чарторыхских провести реформы на сейме в период междуцарствия, которые были в большой степени разрушены лишь в последующее время (я умалчиваю, конечно, о том, с помощью каких средств Чарторыхские снискали его

расположение). До некоторой степени положительной была также деятельность Стакельберга и Сиверса, которые, ведя борьбу за утверждение первого и второго разделов Польши, пошли одновременно на серьёзные уступки в пользу польских интересов, создавая вполне чёткую систему правления Речи Посполитой. Остальных пять человек сыграло же лишь отрицательную, а даже деструктивную роль в Польше, что надо отнести даже к на вид учтивому Волконскому.

Среди этой группы царских представителей находились люди, применявшие прежде всего политические методы воздействия, как упомянутый уже Волконский, который умел, в конце концов, вполне ловко аргументировать причины нарушения русскими войсками границ Речи Посполитой в 1792 г. Однако, среди послов были также люди другого типа – со слишком несдержанным характером, склонные к применению насилия. Именно такими надо, несомненно, признать Репнина, а затем Игельштрема, который, впрочем, был прежде всего командующим русскими оккупационными войсками, исполняя лишь добавочно посольские обязанности вместо снятого Сиверса².

Изо всей этой группы на первый план, как в силу времени, в течение которого занимал он свою должность, так и в силу видимых результатов деятельности, выдвинулся Стакельберг. Годы его пребывания в Польше составляют просто одну эпоху в истории Речи Посполитой. Интересно, однако, что в исторической литературе больше всего внимания посвящается не ему, но Николаю Репнину, единственному из русских послов, который дождался своей польской, хотя и старой биографии³. Кроме него, лишь один Сиверс был главным персонажем работы русского историка Илавайского⁴. Остальные же послы оказались на втором плане, несмотря на то, что годы 1775–1788 были названы периодом королевско-посольского правления. Больше внимания посвящал Стакельбергу лишь Ежи Лоек, хотя и только с целью убедительно показать всякие недостатки и ошибки в политике Станислава Августа Понятовского⁵.

Русские послы, что может казаться удивительным, не были также особо учтены авторами воспоминаний, которые довольно осторожно упоминали о своих противниках или покровителях. Большинство русских представителей в Польше было еле отмечено мемуаристами. Например

² D. Hłowajski, *Sejm grodzieński roku 1793. Ostatni sejm Rzeczypospolitej Polskiej*, tłum. M. Iwanowski, Poznań 1872, s. 335.

³ A. Kraushar, *Książę Riepnin i Polska w pierwszym czteroleciu panowania Stanisława Augusta (1764–1768)*, t. 1–2, Warszawa 1900.

⁴ D. Hłowajski, указ. соч.

⁵ Напр. J. Łojek, *Wstęp do: S. Lubomirski, Pod władzą Księcia Riepnina*, Warszawa 1971, с. 24–25.

о Волконском, который был ведь послом в течение двух лет, упомянул лишь Енджей Китович⁶. О Сальдерне же – особо активном, хотя и коротко побывавшем в Польше, пространнее писал только епископ Юзеф Коссаковский, который признавал, что поляки должны были усиленно добиваться расположения царского посла⁷. В памяти других осталось только его суровое обращение с поляками, или его слегка пугливое поведение во время попытки похищения короля, которое внушал читателям Китович, едва ли не наиболее антирусский из наших мемуаристов⁸. Столь же неопределённо был отражен в воспоминаниях образ Сиверса, именем которого был назван гродненский сейм 1793 г., так как „[...] русский посол осуществлял там абсолютную власть”⁹. Гораздо сильнее был отражен в мемуарной литературе образ князя Репнина. Его решающую роль в создании радомской конфедерации особенно замечал Адам Мошченьски, заявляя: „[...] князь Николай Репнин, посол, который всё время при посольстве графа Кейзерлинга советником оставался, знал всех недовольных, то есть партизан Августа III, писал им письма, призывая их к себе, и разговаривая с каждым из них наедине, явно их уверял в низложении короля”¹⁰. Тот же автор заметил бесспорную роль посла как в назначении компрометировавшего всё духовенство и сенат Габрыизля Подоского на должность примаса Польши, так и в известном всем похищении и увозе ведущих противников во главе с епископом Каетаном Солтыком из Варшавы в Россию¹¹. Эту ведущую роль Репнина видели и другие, подчёркивая, между прочим, что „[...] отдавал приказы и ничего, кроме повиновения, не оставлял на выбор”¹². Однако, это были, скорее, короткие сообщения о замечаемых или известных понаслышке поступках царского посла. Наиболее полное их описание дал лишь Станислав Любомирски, с 1773 г. предводитель антикоролевской оппозиции. Именно он указал на роль Репнина в том, что вошли в обиход непосредственные контакты Репнина и очередных послов с королём без посредства министров. Это было пагубным, так как лишало короля так ведь нужного

⁶ J. Kitowicz, *Pamiętnik czyli Historia polska*, oprac. P. Matuszewska, Warszawa 1971, *passim*.

⁷ J. Kossakowski, *Pamiętniki [...] biskupa inflanckiego 1738–1788 z portretem*, wyd. A. Darowski, Warszawa 1891, с. 74.

⁸ J. Niemcewicz, *Pamiętniki czasów moich*, oprac. J. Dihm, t. 1, Warszawa 1957, с. 683; J. Kitowicz, указ. соч., с. 304.

⁹ F. Karpiński, *Pamiętniki...*, Warszawa 1898, с. 121.

¹⁰ A. Moszczeński, *Pamiętniki do historii polskiej w ostatnich latach panowania Augusta III i pierwszych Stanisława Poniatowskiego*, Warszawa 1905, с. 49–50.

¹¹ Там же, с. 59–60, 63–65.

¹² M. Zaleski, *Pamiętniki [...] wojskiego Wielkiego Księstwa Litewskiego posła na Sejmie Czteroletnim*, Poznań 1879, с. 20. Ср.: J. Kossakowski, указ. соч., с. 60.

промежуточного звена, предоставляющего хотя бы иногда возможность дать отрицательный ответ. Репнин стремился также довести до прекращения связи короля с поддерживающей его в начале царствования фамилией, о чём Любомирски писал с ироническим оттенком: „Нежный министр, услужливый по отношению ко своей монархине князь Репнин, не запустил до самого своего конца приспособлять как неудовлетворённость короля ко своему совету, так и увеличивать ненависть его братьев к министрам [...]”¹³. Только лишь Михал Чацки решился на полную оценку деятельности этого, столь опасного для Речи Посполитой посла, которого старались приобрести даже с помощью красивых женщин во главе с Изабелой Чарторыской. Чацки признал, что настоящая цель Репнина заключалась в том, чтобы: „[...] не допустить никакого изменения в основных правах Речи Посполитой [...] чтобы тем легче было императрице предводительствовать в Польше посреди анархии”¹⁴.

Равно как и Репнин, также Игельштрем пользовался довольно умеренным интересом среди мемуаристов. Впрочем, он должен быть известным в Польше, так как будучи ещё под началом князя Репнина, совершил упомянутый уже увоз сенаторов из Варшавы¹⁵. Однако, наиболее интересной была, конечно, его деятельность в то время, как Речь Посполитая клонилась к упадку, когда после ухода Сиверса новый посол: „[...] Игельштрем, царский генерал, правил так же, как губернатор, и в Варшаве даже прерогативы короля, связанные с предоставлением привилегий на староства, должности и ордена, уменьшились, и не имел он права никакой из них подписать без ведома и без подтверждения Игельштрема”¹⁶. По мнению автора этих слов, Франтишка Карпиньского, деятельность Игельштрема не приносила, однако, ожидаемых результатов, в силу ошибочной политики, состоявшей в том, что он допускал политическую деятельность, хотя бы в форме всё время ставляемых *Краковян и гуралей*. Разрешая такое собрание патриотов, посол старался облегчить их наблюдение через плохо, однако, подобранных шпионов¹⁷. Эту неспособность спесивого посла подчёркивал также Эустахы Сангушко, замечая полную неудачу, которую потерпел Игельштрем, стараясь ставить при себе магнатов и после второго раздела Польши присуждая им в массовом порядке генеральские звания¹⁸. Впрочем, по мнению польских мемуаристов

¹³ S. Lubomirski, указ. соч., с. 55, 93–94, 117 и др.

¹⁴ M. Czacki, *Wspomnienia z roku 1788 po 1792*, Poznań 1862, с. 7.

¹⁵ A. Moszczeński, указ. соч., с. 60.

¹⁶ F. Karpiński, указ. соч., с. 122.

¹⁷ Там же.

¹⁸ E. Sangusko, *Pamiętniki 1786–1815*, Kraków 1876, с. 28.

Игельштрем был человеком жестоким, готовым даже к применению массовых репрессий. Он планировал, как говорят, использовать богослужения Страстной пятницы для задержания в костёлах собранных там людей или даже для кровавой расправы над ними. Во всяком случае, задержание жителей Варшавы в костёлах должно было помочь овладеть арсеналом и задержать заговорщиков¹⁹. Внезапная победа восстания под руководством Костюшко якобы довела Игельштрема до полного отчаяния, вследствие чего думал он уже лишь об отступлении и о бегстве, что с удовольствием подчёркивал Юлиан Урсын Немцевич²⁰.

Однако, самые интересные информации, касающиеся деятельности последнего царского посла в Варшаве, оставил Михал Стаженьски, который видел, как: „[...] Игельштрем, бледной, пожелтевший советовался с Ожаровским [...]” а затем отказался от выхода из Варшавы: „[...] ибо не хочет заслужить ничтожную славу усмирителя восстания, до которого никогда бы не дошло, если бы он уехал из города, а кроме того его дама болеет истерикой и не хочет отпустить его. Впрочем, я подозреваю, что всё это задумано заранее с целью вызвать замешательство и окончательно захватить Польшу”²¹. Приведённое суждение или предположение Стаженьского, иногда повторяемое также историками, требует, конечно, дальнейших, основанных на источниках, исследований. Как его повторение, так и отвержение лишено, до сих пор, существенных основ и представляет собой лишь выражение личных позиций или интуиции. Не имея доступа к советским архивам, нельзя окончательно отнестись к тезису Стаженьского.

Самое большое внимание привлекал, однако, Отто Магнус Стакельберг, дольше всех занимавший должность русского посла в Польше и по-разному оцениваемый современниками. Во всяком случае, он был признан выдающейся личностью, хотя бы по донесениям Ляrsa Знгельштрема, шведского посла в Польше, заявлявшего, что Стакельберг даже в 1787 г., после частичной утраты влияния на петербургском дворе: „[...] представлял силу России, которой в Польше опасались, раздавал деньги, которыми оделял двор, и так же само преклонялись перед ним те подлецы-граждане, которые свою родину предавали”²². Согласно отзывам, передаваемым Знгельштрему „Стакельберг не совершил за время своей мисси в Варшаве инкаких

¹⁹ О плане кровавой расправы над гражданским населением писал J. Kitowicz, указ. соч., с. 592, ср.: J. Niemcewicz, указ. соч. т. 2, с. 75.

²⁰ J. Niemcewicz, указ. соч., т. 2, с. 81.

²¹ M. Starzeński, *Na schyłku dnia Rzeczypospolitej. Kartki z pamiętnika [...] (1757–1795)*, Warszawa 1914, с. 97, 100.

²² L. Engelstrom, *Pamiętniki, [w:] Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców*, oprac. W. Zawadzki, t. 2, Warszawa 1963, с. 132.

жестокостей и насилий, какими увековечились в памяти поляков его предшественники – Сальдерн и Репнин. Его обращение с королём не было столь вежливым и снисходительным, каким быть должно, но по сравнению с обращением предшественников получало высокую оценку²³. О том, что вышеприведённые высказывания соответствовали, вероятнее всего, общественному мнению поляков, свидетельствует почти такое же высказывание Немцевича, который писал: „Царица прислала Стакельберга, менее дерзкого, чем Потёмкин (Репнин), менее жестокого чем Сальдерн, гордого по отношению к тем, кто раболепствовал, вежливого по отношению к тем, кто знал свою цену”²⁴.

Наиболее положительно, несомненно, оценивал Стакельберга, по понятным причинам, епископ Коссаковский, который писал о нём: „[...] я знал его человеком сообразительным и проницательным, но я тогда узнал, что он нуждается в том, чтобы ему подавать и разбирать разные мысли, так как он сам, питая пристрастие к увеселениям, часто не хочет над этими мыслями задумываться [...] большое отвращение вызывали у него король и те, кто окружал короля, так как будучи лично королевским другом, Стакельберг никогда не замечал взаимной искренности, зато хитрость и лицемерие всей фамилии, до такой степени, что всегда был вынужден быть настороже [...]”²⁵. Необходимо здесь, хотя бы в некоторой степени, согласиться с Коссаковским, когда обращал он внимание на отсутствие искренности также со стороны короля, что не меняет факта полного сотрудничества короля с послом.

Также и королевская сторона с недоверием присматривалась действиям Стакельберга, чего наилучшим доказательством служат – написанные, однако, намного позже – воспоминания Станислава Понятовского, литовского подскарбия. Он возвёл подозрения на Стакельберга особенно во время аферы Догрумовой, и заявлял что: „[...] он сам был виновником всей аферы, так как получал от самого двора замечания из-за того, что не старается поддерживать раздора и партийных разделов в Польше. Чтобы оправдаться он вызвал или, по меньшей мере, поддержал эту аферу, которая хотя и несерьёзная,

²³ Там же, с. 133. Далее Знгельштрем приводит известный анекдот о грубом поведении Репнина, который якобы позволил себе следующую шутку по отношению к королю: „Я бы посоветовал вашему королевскому величеству стать танцовщиком – подхватил Репнин. Стакельберг никогда бы подобного озорства не допустил”. Это анекдотически-компрометирующее происшествие описал также в своём отчёте J. Haggis, *Relacja, [w:] Polska stanislawowska...*, t. 1, с. 294.

²⁴ J. Niemcewicz, указ. соч., т. 2, с. 68. Он был, вероятно, одним из информаторов Энгельштрема.

²⁵ J. Kossakowski, указ. соч., с. 189.

однако внесла свой вклад в уничтожение Польши"²⁶. Предположение это не нашло до сих пор отражения в исторической литературе, которая лишь на базе новых источников сможет окончательно высказаться насчёт этого – следует признать, что фантастически звучащего – мнения.

Общеизвестной, зато, и цитированной в разных вариантах является оценка политики Стакельберга дана Михалом Чацким, который писал: „Со времени сейма 1775 г. русский посол был действительным повелителем Речи Посполитой, подобно тому, как римские проконсулы в завоеванных провинциях, как это выразил Фридерик II в своём посмертном издании. Всякие запроюктированные реформы государственных законов в почти всех отраслях администрации и признанные необходимыми заседавшими в сейме сословиями, сначала представлялись ему (Стакельбергу) и лишь после утверждения им вступали в силу. Сеймы, однако, до памятного 1788 г. не были срываны и заседания велись в надлежащем порядке"²⁷. Таким образом высказывался и Михал Залески: „Король стоял во главе совета, сам послу подчинялся"²⁸. Эта мысль также довольно часто повторяется. Реже, зато, упоминается о другом фрагменте воспоминаний этого автора, касающихся конечного периода польской миссии Стакельберга в Варшаве, когда впервые столкнулся он с самостоятельными выступлениями депутатов, и когда: „Стакельберг до такой степени раздражился, что прямо сказал, что бунт, поднятый на Украине, будет достаточным орудием для успокоения поляков. Его слова король, для устрашения добрых, повторил нескольким из числа тех, кто был в более близких с ним отношениях, что вызвало, вместо тревоги, сочувствие, и разношенная угроза распространилась по стране"²⁹.

Сложившаяся ситуация вызвала опасение (распространялись слухи о т.н. волынском бунте), повлияла на состав войска, в котором появилось слишком много кавалерии и продлила заседание сейма. Однако, Стакельберг утратил в этот период своё прежнее влияние, в значительной мере из-за совершенного непонимания перемен и неумения приспособиться к новой политической обстановке времени Великого сейма. Ничего удивительного, что Китович, наблюдая такое поведение Стакельберга, выражал мнение, что русские „[...] должны хотя бы с заседавшими в сейме обращаться вежливо. Однако московский посол

²⁶ S. Poniąkowski, *Pamiętniki synowca Stanisława Augusta*, przekł. i wstęp J. Łojek, Warszawa 1979, с. 72.

²⁷ М. Czacki, указ. соч., с. 19.

²⁸ М. Zaleski, указ. соч., с. 98.

²⁹ Там же, с. 180. Это высказывание Стакельберга повторил, хотя в несколько другой форме, также J. Kitowicz, указ. соч., с. 400.

[...] ничуть не учитывает этого, обращаясь с поляками всегда гордо и грубо [...] вызвал к себе Станислава Малаховского, наговорил ему язвительно, что он непригодный к такому высокому посту и что не умеет умирять красноречие дерзких депутатов [...]»³⁰. О том, что претензии по адресу Стакельберга касались, главным образом, форм обращения с поляками, свидетельствует более положительная оценка деятельности Сиверса во время гродненского сейма 1793 г., который всегда вёл себя прилично, несмотря на необходимость прибегать и к строгим мерам³¹. Ничего, тем самым, удивительного, что бестактность Стакельберга довела до его отозвания. Он был заменен Булгаковым, который будучи, вероятно, более ловким политиком и действуя в менее удобный для себя период, остался более незаметным, хотя бы настолько, чтобы не привлекать внимания мемуаристов, вспоминавших его лишь в контексте польско-русской войны 1792 г. Его деятельность является одновременно наиболее, пожалуй, известной благодаря сохранению и изданию ряда документов от периода его посольской деятельности в Варшаве³².

Из числа всех польских мемуаристов только один – странное дело – племянник последнего короля, отметил высказывание русского посла, свидетельствующее о его враждебном отношении к Польше. Репнин совершил бестактность, хотя и лишь в 1777 г., то есть несколько лет после его отозвания из Варшавы. Он тогда якобы прямо заявил, что „Благополучие Польши и благополучие России – несовместимы”³³. Это было, несомненно, искреннее, хотя слишком грубое и политически неловкое высказывание человека, который позже занимался окончательным присоединением Литвы к России после третьего раздела Речи Посполитой.

Также Китович подозревал именно этого посла в решительно враждебном отношении к Польше считая, что всё репнинское высокомерие и многие афронты наносимые выдающимся полякам должны были спровоцировать восстание и привести к разделу Польши³⁴.

В общем, воспоминания доставляли много интересных и правильных наблюдений. Однако, оценивая должным образом роль царских послов в Варшаве, поляки не видели функции всего посольства. По

³⁰ J. Kitowicz, указ. соч., с. 399.

³¹ Там же, *passim*.

³² Главную роль исполняют документы от периода его деятельности, изданные в: *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*, т. 26; *Dziennik Bulhakowa*, [w:] W. Kalinka, *Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta, dokumenta do historii drugiego i trzeciego podziału*, Kraków 1891, cz. 2, с. 277–418.

³³ S. Poniatowski, указ. соч., с. 54.

³⁴ J. Kitowicz, указ. соч., с. 166.

цитированному же раньше Энгельштрему, эффективность деятельности послов вытекала также (кроме, конечно, силы представляемого ими русского государства) из обладания весьма многочисленным, для тогдашнего времени, персоналом. „Русское посольство было многочисленным, посол был окружён двенадцатью апостолами, которые побывав в Варшаве, пролезали везде и распространяли разные сплетни”³⁵.

Чтение мемуаров несомненно интересно. Не даёт оно, однако, ответа на вопросы связанные с возможными изменениями общественной ориентации в течение царствования Станислава Августа, так как воспоминания писались обычно с некоторого временного расстояния. Поэтому, следовало бы обратиться и к другим источникам, хотя бы с целью сопоставить прения в отдельных сеймах. Замечаются там, бесспорно, изменения в ориентации и в эмоциональной стороне выражаемых мнений. Недостаток времени не позволяет подхватить здесь эту нить. Следует, однако, отметить, что по меньшей мере до 1788 г. русских послов старались, во время заседаний сеймов, представлять как настоящих защитников Речи Посполитой, всё время находящейся под угрозой Пруссии. Это имело место как во время станиславских сеймов (даже ещё при Репнине), так и во время правления Перманентного совета (Rada Nieustająca), то есть в эпоху Стакельберга. Однако, когда патриотически настроенные шляхетские депутаты оживлялись, происходили стычки, да и то даже в период абсолютного превосходства России. Стакельберг вынужден был тогда успокаивать реформаторские настроения резкими нотами, как напр. в 1778 г., а в 1786 г. был просто атакован из-за неискреннего представления требований поляков Екатерине³⁶. В период Великого сейма депутаты запыхланы возмущением и изъявили известные требования присягать не брать взятку от царского посольства, или требования привлечь к ответственности тех, кто довёл до покупки для удобства Стакельберга и его преемников пышного дворца, находящегося на углу Мёдовой и Капитульной в Варшаве. Неприязнь дошла, конечно, до предела в период восстания под руководством Костюшко, когда те, кому доказали сотрудничество с Игельштремом, получали приговор.

Следует, конечно и в дальнейшем заниматься этими сложными проблемами, к которым очень часто подходили слишком их актуализируя и ища сенсаций. Имеются уже, кажется, политические условия для исследований. Они не имеют, однако, смысла без доступа к до сих пор секретным царским архивным материалам, находящимся

³⁵ L. Engelstrom, указ. соч., с. 149.

³⁶ Проблему этих отношений на сеймах 1778 и 1786 я шире обсуждаю в статьях, которые находятся в печати. Они основаны, главным образом, на чтении сеймовых хроник и сборниках речей (там же библиографические записи).

в советских архивах, так как не дадут окончательных и объективных ответов на возникающие вопросы. А надеюсь, что моё выступление поспособствует возобновлению интересов, которые из-за отсутствия материалов были приглушены уже несколько десятков лет тому назад.

Andrzej Stroynowski

AMBASADORZY ROSJI W POLSCE W POLSKIEJ OPINII EPOKI STANISŁAWOWSKIEJ

Autor przedstawia zagadnienia dotychczas mało znane w polskiej historiografii. Skupia swoją uwagę na sylwetkach tych posłów rosyjskich, których misja w Polsce miała znaczący wpływ na losy I Rzeczypospolitej (np. Nikołaj Repin, Otto Stackelberg, Kasper von Saldern).

Autor nie stawia sobie zadania przedstawienia faktycznej roli rosyjskich ambasadorów w Polsce, a jedynie dąży do możliwie dokładnego prześledzenia ocen powstałych w kręgach obserwatorów życia politycznego, głównie warszawskich. W rezultacie dochodzi do wniosku, że opinie o działalności rosyjskich ambasadorów w Polsce nie opierały się na obiektywnych podstawach; wiele w nich było odczuć indywidualnych, czysto osobistych. Pełnej weryfikacji polskich ocen o działalności ambasadorów rosyjskich omawianego okresu można dokonać dopiero po zapoznaniu się z niedostępnymi dotąd materiałami carskiego ministerstwa spraw zagranicznych.